

231. Некоторые иранские активы (Исламская Республика Иран против Соединенных Штатов Америки) [Предварительные возражения]

Краткое изложение решения от 13 февраля 2019 года

13 февраля 2019 года Международный Суд вынес свое решение по предварительным возражениям, выдвинутым Соединенными Штатами Америки по делу *Некоторые иранские активы (Исламская Республика Иран против Соединенных Штатов Америки)*.

Суд заседал в следующем составе: Председатель Юсуф; Вице-Председатель Сюэ; судьи Томка, Абраам, Беннуна, Кансаду Триндади, Гая, Бхандари, Робинсон, Кроуфорд, Геворгян, Салам, Ивасава; судьи ad hoc Брауэр, Момтаз; Секретарь Куврёр.

*
* * *

История разбирательства (пп. 1–17)

Суд напоминает, что 14 июня 2016 года правительство Исламской Республики Иран (далее «Иран» или «заявитель») подало в Секретариат Суда заявление о возбуждении разбирательства против Соединенных Штатов Америки (далее «Соединенные Штаты» или «ответчик») в связи со спором, касающимся предполагаемых нарушений Соединенными Штатами Договора о дружбе, экономических отношениях и консульских правах 1955 года, который был подписан двумя государствами в Тегеране 15 августа 1955 года и вступил в силу 16 июня 1957 года (далее «Договор о дружбе» или «Договор»). Суд отмечает, что в обоснование компетенции Суда Иран в своем заявлении ссылается на пункт 1 статьи 36 Статута Суда и пункт 2 статьи XXI Договора о дружбе.

Суд напоминает далее, что, после того как Иран подал свой меморандум по данному делу, Соединенные Штаты выдвинули предварительные возражения в отношении приемлемости заявления и компетенции Суда. Впоследствии постановлением от 2 мая 2017 года Председатель Суда, отметив, что разбирательство по существу дела было приостановлено на основании пункта 5 статьи 79 Регламента, установил 1 сентября 2017 года в качестве крайнего срока, до которого Иран может представить письменное заявление с изложением своих замечаний и позиций относительно предварительных возражений Соединенных Штатов. Иран представил такое заявление в установленный срок, в связи с чем дело стало готово к слушанию в части, касающейся предварительных возражений. Открытые слушания были проведены 8–12 октября 2018 года.

I. Фактические обстоятельства (пп. 18–27)

Вначале Суд излагает фактические обстоятельства дела. В этой связи он напоминает, что Иран и Соединенные Штаты прекратили дипломатические отношения в 1980 году после иранской революции начала 1979 года и захвата посольства Соединенных Штатов в Тегеране 4 ноября 1979 года. В октябре 1983 года были взорваны казармы корпуса морской пехоты Соединенных Штатов в Бейруте, Ливан; в результате были убиты военнослужащие Соединенных Штатов — 241 человек, входивший в состав многонациональных миротворческих сил. Соединенные Штаты утверждают, что Иран несет ответственность за это нападение и за последующие акты терроризма и нарушения международного права; Иран отвергает эти обвинения.

Суд отмечает, что в 1984 году Соединенные Штаты включили Иран в список «государств — спонсоров терроризма», и этот статус за ним сохраняется до сих пор. В 1996 году Соединенные Штаты внесли поправки в Закон об иностранном суверенном иммунитете (далее «ЗИСИ») с целью лишить иммунитета от преследования в своих судах государства, обозначенные в качестве «государств — спонсоров терроризма», в ряде случаев, связанных с предполагаемым совершением пыток, внесудебных казней, диверсий на воздушном судне, взятием заложников или предоставлением материальной поддержки в совершении таких деяний; в законе были также предусмотрены исключения из иммунитета от исполнительных мер, применимого в таких случаях. Затем истцы начали обращаться в суды Соединенных Штатов с требованиями к Ирану о возмещении ущерба в связи с гибелью или увечьями, причиненными действиями, предположительно совершенными при поддержке Ирана, в том числе финансовой. Результатом этих обращений стало, в частности, появление дела *Петерсон*, касающегося упомянутого выше нападения на американские казармы в Бейруте. Иран отказался участвовать в этих разбирательствах на том основании, что законодательство Соединенных Штатов противоречит нормам международного права об иммунитете государств.

Суд отмечает далее, что в 2002 году Соединенные Штаты приняли Закон о страховании рисков терроризма, устанавливающий порядок принудительного исполнения судебных решений, вынесенных после принятия поправки к ЗИСИ 1996 года. В 2008 году Соединенные Штаты приняли еще одну поправку к ЗИСИ, расширив, в частности, перечень категорий активов, на которые может быть обращено взыскание для удовлетворения требований кредиторов. В 2012 году президент Соединенных Штатов издал указ № 13599, блокирующий все активы («имущество и доли в имуществе») правительства Ирана, включая активы центрального банка Ирана («банк "Маркази"») и финансовых учреждений, находящихся в собственности или под контролем Ирана, если такие активы находятся на территории Соединенных Штатов или «во владении или под контролем любого физического или юридического лица Соединенных Штатов, включая все иностранные отделения». Также в 2012 году Соединенные Штаты приняли Закон об уменьшении угрозы со стороны Ирана и правах человека в Сирии, раздел 502 которого, среди прочего, сделал возможным обращение взыскания на активы банка «Маркази» для исполнения решений, вынесенных заочно в отношении Ирана по делу *Петерсон*. Банк «Маркази» пытался оспорить законность этого положения в американских судах, однако Верховный суд Соединенных Штатов в конечном итоге подтвердил его конституционность.

И наконец, Суд замечает, что в результате принятых Соединенными Штатами мер американские суды вынесли много заочных решений и присудили значительные суммы возмещения ущерба по требованиям в отношении Ирана, а в ряде случаев — и иранских государственных структур. Кроме того, активы Ирана и иранских государственных организаций, включая банк «Маркази», в настоящее время являются объектом взыскания в рамках исполнительного производства по ряду дел в Соединенных Штатах и других странах или уже распределены между кредиторами по судебным решениям.

II. Юрисдикция Суда (пп. 29–99)

Затем Суд переходит к вопросу о наличии у него юрисдикции. Напоминая, что Иран ссылается на пункт 2 статьи XXI Договора о дружбе, Суд отмечает, что факт нахождения Договора в силе между сторонами в день подачи Ираном своего заявления, а именно 14 июня 2016 года, не оспаривается и что денонсация Договора, объявленная Соединенными Штатами 3 октября 2018 года, никак не

влияет на юрисдикцию Суда в настоящем деле. Суд обращает внимание на то, что также не оспаривается тот факт, что некоторые из условий, предусмотренных пунктом 2 статьи XXI Договора, выполнены: спор возник в отношениях между Ираном и Соединенными Штатами; разрешить этот спор дипломатическими средствами не получилось; и государства сторон не согласились на урегулирование каким-либо иным мирным способом. Суд отмечает, что стороны, однако, расходятся во мнениях по вопросу о том, является ли спор о введенных Соединенными Штатами мерах, на которые жалуется Иран, спором «в отношении толкования или применения» Договора о дружбе. Ссылаясь на свою практику, Суд отмечает, что он должен установить, подпадают ли действия, на которые жалуется Иран, под действие положений Договора о дружбе и обладает ли вследствие этого Суд юрисдикцией *ratione materiae* для рассмотрения этого спора на основании пункта 2 статьи XXI Договора.

Затем Суд исследует три предварительных возражения Соединенных Штатов в отношении юрисдикции.

A. Первое возражение: заявления Ирана в связи с принятыми Соединенными Штатами мерами по блокированию иранских активов (пп. 38–47)

В своем первом возражении против юрисдикции Соединенные Штаты просят Суд «отклонить как не относящиеся к юрисдикции Суда все заявления о том, что принятые США меры, которые блокируют имущественные активы и доли в них, принадлежащие правительству Ирана или иранским финансовым учреждениям (как определено в президентском указе № 13599 и нормативных положениях о введении в действие президентского указа № 13599), нарушают какие-либо положения Договора». По мнению Соединенных Штатов, эти заявления выходят за рамки Договора в силу подпунктов с) и d) пункта 1 его статьи XX.

Обобщив доводы сторон, Суд напоминает, что ранее в своем решении по предварительному возражению в деле *Нефтяные платформы (Исламская Республика Иран против Соединенных Штатов Америки) (предварительное возражение, решение, I.C.J. Reports 1996 (II), p. 811, para. 20)*, а затем уже не так давно в своем постановлении об указании временных мер в деле *Предполагаемые нарушения Договора 1955 года о дружбе, экономических отношениях и консульских правах (Исламская Республика Иран против Соединенных Штатов Америки) (временные меры, постановление от 3 октября 2018 года, para. 41)*, он имел возможность заметить, что в Договоре о дружбе нет положений, прямо исключающих определенные вопросы из юрисдикции Суда. Суд считал также, что подпункт d) пункта 1 статьи XX не ограничивает его юрисдикцию, а лишь предоставляет сторонам возможность заявлять возражения по существу в случае необходимости (*Нефтяные платформы (Исламская Республика Иран против Соединенных Штатов Америки) (предварительное возражение, решение, I.C.J. Reports 1996 (II), p. 811, para. 20)*). Не усматривая в настоящем деле причин отступить от своих предыдущих выводов и считая, что подпункт с) пункта 1 статьи XX Договора следует толковать в этом отношении так же, как и подпункт d), Суд приходит к выводу, что эти положения не ограничивают его юрисдикцию, а лишь предоставляют сторонам возможность возражать по существу. Таким образом, он отклоняет первое возражение против юрисдикции, выдвинутое Соединенными Штатами.

B. Второе возражение: заявления Ирана в отношении суверенных иммунитетов (пп. 48–80)

В своем втором возражении против юрисдикции Соединенные Штаты просят Суд отклонить «как не относящиеся к юрисдикции Суда все поданные на

основании какого-либо положения Договора о дружбе заявления, которые основываются на предполагаемом отказе Соединенных Штатов предоставить суверенный иммунитет от юрисдикции и/или принудительного исполнения правительству Ирана, банку "Маркази" или иранским государственными организациями».

Соответственно, Суд рассматривает каждое из положений, которые, по утверждению Ирана, были нарушены и которые, по мнению заявителя, могут служить основанием для отнесения к юрисдикции Суда вопроса об уважении Соединенными Штатами иммунитетов, на которые определенные иранские государственные структуры, как утверждается, имеют право.

Пункт 2 статьи IV Договора о дружбе (пп. 53–58)

Суд отмечает, что Иран ссылается на прямое упоминание «требований международного права» в первом предложении пункта 2 статьи IV Договора в обоснование своего утверждения о том, что это положение включает нормы международного обычного права о суверенных иммунитетах в устанавливаемое им обязательство путем отсылки. Соединенные Штаты не согласны с этим толкованием. По их мнению, «требования международного права», упоминаемые в пункте 2 статьи IV, касаются минимального стандарта обращения с имуществом иностранных лиц в принимающем государстве — известной концепции в области защиты инвестиций, — а не каких-либо видов защиты иммунитета.

Сначала Суд заявляет, что он оставит в стороне вопрос о том, является ли банк «Маркази», который, по утверждению Ирана, обладает суверенным иммунитетом, «компанией» по смыслу пункта 2 статьи IV. Рассматривая этот аспект далее в своем решении (см. раздел II.C ниже), Суд отмечает, что на данной стадии необходимо ответить на следующий вопрос: если предположить, что эта структура является «компанией» по смыслу Договора (против чего возражают Соединенные Штаты), то обязывает ли пункт 2 статьи IV ответчика уважать суверенный иммунитет, правом на который банк «Маркази» или другие иранские государственные структуры, затрагиваемые в этом деле, будут предположительно наделены по международному обычному праву.

В этой связи Суд отмечает, что предлагаемое Ираном толкование отсылки на «требования международного права» в рассматриваемом положении не согласуется с объектом и целью Договора о дружбе. В преамбуле Договора заявлено, что намерением сторон было «содействовать взаимовыгодной торговле и инвестициям и более тесным экономическим взаимосвязям в целом между своими народами и регламентировать консульские сношения». Кроме того, название Договора не указывает на то, что вопрос о суверенных иммунитетах относится к объекту и цели данного документа. Соответственно, нельзя считать, что пункт 2 статьи IV предусматривает такие иммунитеты. Суд считает, что под «международным правом» в этом положении имеются в виду те нормы международного права, которые устанавливают минимальный стандарт защиты имущества, принадлежащего «гражданам» и «компаниям» каждой из сторон, осуществляющей экономическую деятельность на территории другой стороны, а не те, которые регулируют вопросы защиты, которой пользуются государственные субъекты на основании принципа суверенного равенства государств. Кроме того, положение пункта 2 статьи IV, на которое ссылается Иран, следует читать с учетом всех положений статьи IV в совокупности. Последовательно изучив каждый пункт статьи IV, Суд приходит к выводу, что, вместе взятые, эти положения четко указывают на то, что цель статьи IV — гарантировать определенные права и минимальный уровень защиты интересов физических и юридических лиц, занимающихся деятельностью коммерческого характера. Поэтому ее нельзя

толковать как включающую посредством отсылки обычные нормы о суверенных иммунитетах.

Пункт 4 статьи XI Договора о дружбе (пп. 59–65)

Касаясь пункта 4 статьи XI Договора, Суд отмечает, соглашаясь с доводом Ирана на этот счет, что это положение, которое исключает из сферы действия всякого «иммунитета» только находящиеся в государственной собственности предприятия, ведущие торговую или промышленную деятельность, не затрагивает иммунитетов, которыми по международному обычному праву наделены государственные субъекты, осуществляющие деятельность *jure imperii*. Вместе с тем Суд замечает, что Иран идет дальше, утверждая, что это положение устанавливает подразумеваемое обязательство признавать эти иммунитеты. В данном случае заявитель толкует пункт 4 статьи XI от противного, указывая, что, выводя из сферы действия иммунитета только те государственные предприятия, которые занимаются торговой или промышленной деятельностью, данное положение имплицитно гарантирует суверенный иммунитет государственных субъектов при осуществлении ими деятельности *jure imperii*.

Ссылаясь на свои предыдущие решения, согласно которым толкование положений договора от противного оправдано лишь в том случае, если оно надлежащим образом согласуется со всеми другими соответствующими положениями, их контекстом, а также объектом и целью договора, Суд считает, что предложенное Ираном толкование не может быть принято. Одно дело — говорить, что пункт 4 статьи XI не затрагивает (поскольку не запрещает) иммунитеты, которыми по обычному праву пользуются государственные субъекты при осуществлении деятельности *jure imperii*. Совсем другое дело — утверждать, как настаивает Иран, что это положение преобразует соблюдение таких иммунитетов в обязательство по договору, что не подтверждается ни текстом, ни контекстом этого положения. По мнению Суда, то факт, что в пункте 4 статьи XI говорится лишь о государственных предприятиях, занимающихся «торговой, промышленной или иной коммерческой деятельностью, включая перевозки», объясняется тем, что в соответствии с объектом и целью Договора это положение относится сугубо к экономической деятельности и направлено на поддержание справедливой конкуренции между хозяйствующими субъектами, действующими на одном рынке. Вопрос о деятельности *jure imperii* просто не имеет отношения к тем соображениям, которые легли в основу текста пункта 4 статьи XI. Поэтому с доводом о том, что это положение инкорпорирует в Договор нормы о суверенных иммунитетах, нельзя согласиться.

Пункт 2 статьи III Договора о дружбе (пп. 66–70)

Что касается пункта 2 статьи III Договора, то Суд считает — опять же если исходить из того, что для целей настоящего обсуждения банк «Маркази» является «компанией», — что он должен установить, будет ли предполагаемое нарушение иммунитетов, которыми, как утверждается, наделен этот банк и другие соответствующие иранские государственные организации по международному обычному праву, если такое нарушение подтвердится, представлять собой нарушение права «свободного доступа к судам», гарантируемого этим положением. Суд отмечает, что только если ответ на этот вопрос утвердительный, можно было бы говорить о том, что пункт 2 статьи III обязывает Суд рассмотреть вопрос о суверенных иммунитетах и что поэтому такое рассмотрение относится к его юрисдикции, установленной в арбитражной оговорке Договора о дружбе.

Суд не убежден, что между вопросом о суверенных иммунитетах и правом, гарантированным пунктом 2 статьи III, существует такая связь, на которой настаивает Иран. По мнению Суда, это правда, что сам факт, что в пункте 2

статьи III ничего не говорится о суверенных иммунитетах и что в нем также отсутствуют отсылки к нормам общего международного права, не является достаточным для исключения вопроса об иммунитетах из сферы применения *ratione materiae* рассматриваемого положения. Однако для того чтобы этот вопрос имел отношение к делу, нарушение международного права об иммунитетах должно быть способно оказать определенное воздействие на соблюдение права, гарантированного пунктом 2 статьи III. Суд считает, что в данном случае это не так. Рассматриваемое положение не имеет целью гарантировать материальные или даже процессуальные права, которые компания одной из договаривающихся сторон может иметь намерение отстаивать в судах или органах другой стороны, и направлено лишь на то, чтобы обеспечить такой компании возможность обращаться в эти суды или органы для отстаивания (материальных или процессуальных) прав, которыми, как она утверждает, она наделена. Формулировка пункта 2 статьи III не указывает на возможность такого расширенного его толкования, которое предлагает Иран. Закрепленные в нем права гарантируются «в целях обеспечения быстрого и беспристрастного отправления правосудия». Доступ к судам какой-либо из договаривающихся сторон должен предоставляться «на условиях, не менее благоприятных», чем те, которые действуют в отношении собственных граждан и компаний этой стороны «или любой третьей страны». Ничто в терминологии пункта 2 статьи III в ее обычном значении, в ее контексте и в свете объекта и цели Договора о дружбе не дает оснований полагать и не указывает на то, что обязательство предоставлять иранским «компаниям» свободу доступа к судам Соединенных Штатов влечет за собой обязательство признавать иммунитеты, которыми некоторые из этих организаций, как утверждается, наделены по международному обычному праву, если это действительно так. Это два явно разных вопроса.

Пункт 1 статьи IV Договора о дружбе (пп. 71–74)

По поводу пункта 1 статьи IV Договора Суд заявляет, что по причинам, аналогичным тем, которые изложены в связи с обращением Ирана к пункту 2 статьи IV Договора о дружбе, он не считает, что требования пункта 1 статьи IV включают обязательство уважать суверенные иммунитеты государства и тех его субъектов, которые могут претендовать на обладание такими иммунитетами по международному обычному праву. Поэтому Суд не может поддержать в этой части довод Ирана о том, что вопрос о суверенных иммунитетах относится к сфере применения *ratione materiae* этого положения и, следовательно, к юрисдикции Суда в соответствии с арбитражной оговоркой Договора о дружбе.

Пункт 1 статьи X Договора о дружбе (пп. 75–79)

Затем Суд обращается к пункту 1 статьи X Договора. В этой связи он напоминает, что в своем решении по предварительному возражению в деле *Нефтяные платформы (Исламская Республика Иран против Соединенных Штатов Америки)* (предварительное возражение, решение, *I.C.J. Reports 1996 (II)*, р. 803) он должен был определить сферу охвата понятия «свобода торговли» по смыслу этого пункта. Тогда Суд заявил, что слово «торговля» по смыслу этого положения означает не только морскую торговлю, но и торговые обмены в целом; что к тому же значение слова «торговля» как в его обычном употреблении, так и в юридическом значении не сводится к одним лишь актам купли-продажи; и что торговые договоры охватывают широкий круг вопросов вспомогательного по отношению к торговле характера, таких как право на создание и ведение бизнеса, защита от преследования и приобретение имущества и пользования им. Суд пришел к выводу, что «было бы естественным толковать слово "торговля" в пункте 1 статьи X Договора 1955 года как включающее коммерческую

деятельность в целом — не только сами акты купли-продажи, но и вспомогательные виды деятельности, неразрывно связанные с торговлей».

Суд не видит причин для отхода от того толкования понятия «свобода торговли», которое он принял в вышеупомянутом деле. Тем не менее даже при таком понимании свобода торговли не может распространяться на вопросы, которые никак не связаны — или связаны слишком слабо — с коммерческими отношениями между государствами — участниками Договора. В этой связи Суд не убежден в том, что нарушение суверенных иммунитетов, правом на которые, как утверждается, обладают по международному праву некоторые государственные структуры при осуществлении ими деятельности *jure imperii*, может препятствовать свободе торговли, которая по определению касается деятельности иного рода. Следовательно, случаи нарушения суверенных иммунитетов, о которых заявляет Иран, не подпадают под действие пункта 1 статьи X Договора.

*

Исходя из проведенного им анализа Суд заключает, что ни одно из положений, которые, по утверждению Ирана, были нарушены и в соответствии с которыми, по мнению заявителя, вопрос об уважении Соединенными Штатами иммунитетов, право на которые, как утверждается, имеют определенные иранские государственные структуры, может подпадать под юрисдикцию Суда, не являясь по своему характеру таковым, чтобы служить основанием для такого вывода. Следовательно, Суд устанавливает, что требования Ирана, основанные на предполагаемом нарушении суверенных иммунитетов, гарантированных международным обычным правом, не касаются толкования или применения Договора о дружбе и, как следствие, не подпадают под действие арбитражной оговорки в пункте 2 статьи XXI. Таким образом, в той мере, в какой требования Ирана касаются предполагаемого нарушения норм международного права суверенных иммунитетов, Суд не обладает юрисдикцией их рассматривать. В этой связи Суд считает, что второе возражение Соединенных Штатов в отношении юрисдикции должно быть поддержано.

С. Третье возражение: заявления Ирана о якобы имевших место нарушениях статей III, IV или V Договора в отношении банка «Маркази» (пп. 81–97)

В своем третьем возражении против юрисдикции Соединенные Штаты просят Суд отклонить «как не подпадающие под юрисдикцию Суда все заявления о предполагаемых нарушениях статей III, IV или V Договора о дружбе, которые основываются на режиме, предоставленном правительству Ирана или банку «Маркази».

Напомнив о доводах сторон, Суд отмечает, что, хотя в тексте возражения говорится о «режиме, предоставленном правительству Ирана или банку "Маркази"», вопрос, на который Суду необходимо ответить, заключается лишь в том, является ли банк «Маркази» «компанией» по смыслу Договора о дружбе и обоснованы ли в таком случае его претензии на права и защиту, предоставляемые «компаниям» статьями III, IV и V. Следовательно, Суд стремится лишь установить, применимо ли определение «компания» по смыслу Договора о дружбе к банку «Маркази».

Суд отмечает, что статьи III, IV и V Договора о дружбе гарантируют определенные права и защиту «гражданам» и «компаниям» каждой из договаривающихся сторон, которые должны соблюдаться другой стороной. Он отмечает далее, что понятие «гражданин» применяется в отношении физических лиц, чей статус не является предметом разногласий между сторонами в контексте третьего предварительного возражения. Понятие «компания» определено в пункте 1

статьи III следующим образом: «Используемое в настоящем Договоре понятие «компаний» означает корпорации, партнерства, общества и другие объединения, независимо от того, являются ли они компаниями с ограниченной ответственностью или нет и имеют ли они целью получение материальной выгоды или нет». Исходя из этого определения Суд считает, что не вызывают сомнений и, кроме того, не дают никаких оснований для разногласий между сторонами два момента. Во-первых, та или иная структура может быть охарактеризована как "компания" по смыслу Договора только при наличии у нее собственной правосубъектности, которой ее наделяет закон государства, в котором она образована, что определяет ее правовой статус. В этой связи следует отметить, что пункт 1 статьи III начинается со слов: «Компании, учрежденные согласно применимым законам и положениям любой из Высоких Договаривающихся Сторон, имеют свой юридический статус, признаваемый на территориях другой Высокой Договаривающейся Стороны». Во-вторых, структура, полностью или частично находящаяся в собственности государства, может представлять собой «компанию» по смыслу Договора. В определении «компаний», которое дается в пункте 1 статьи III, не проводится различия между частными и государственными предприятиями. То, что государственное предприятие может являться «компанией» по смыслу Договора, подтверждается пунктом 4 статьи XI, который лишает иммунитета любое предприятие любой из договаривающихся сторон, «которое находится в государственной собственности или под государственным контролем», когда оно осуществляет коммерческую или промышленную деятельность на территории другой стороны, с тем чтобы не ставить такое предприятие в более выгодное положение по отношению к частным предприятиям, с которыми оно может конкурировать.

По мнению Суда, из вышесказанного можно сделать два вывода. Во-первых, Соединенные Штаты не могут отрицать тот факт, что банк «Маркази» наделен собственной правосубъектностью на основании пункта с) статьи 10 Закона Ирана о деньгах и банках 1960 года с поправками, да они и не делают это. Во-вторых, тот факт, что банк «Маркази» находится в полной собственности иранского государства и государство осуществляет руководство и строгий контроль за деятельностью банка, — на что указывают Соединенные Штаты и что не отрицается Ираном, — сам по себе не исключает эту организацию из категории «компаний» по смыслу Договора.

В таком случае Суду остается установить, может ли банк «Маркази» по характеру своей деятельности считаться «компанией» согласно определению в пункте 1 статьи III, рассматриваемому в его контексте и в свете объекта и цели Договора о дружбе.

В этой связи Суд считает, что он не может согласиться с толкованием, предложенным Ираном в его основной аргументации, согласно которой характер деятельности, осуществляемой той или иной организацией, не имеет существенного значения для целей квалификации этого юридического лица в качестве «компаний». По мнению Ирана, вопрос о том, выполняет ли организация функции суверенного характера, т. е. акты суверенитета или государственной власти, или занимается ли она деятельностью коммерческого или промышленного характера или же фактически совмещает оба вида деятельности, не имеет никакого значения, когда речь идет о ее квалификации в качестве «компаний». Из этого следовало бы, что наличие отдельной правосубъектности по внутреннему законодательству той или иной договаривающейся стороны является достаточным условием для того, чтобы рассматривать данное образование как «компанию» по смыслу Договора о дружбе.

По мнению Суда, подобное толкование не учитывает контекст определения, которое дается в пункте 1 статьи III, а также объект и цель Договора о

дружбе. Как указывалось выше в связи со вторым возражением Соединенных Штатов против юрисдикции, анализ всех тех положений Договора, которые образуют контекст пункта 1 статьи III, четко указывает на то, что Договор имеет целью гарантировать права и предоставить защиту физическим и юридическим лицам, занимающимся деятельностью коммерческого характера, даже если этот последний термин понимается в широком смысле. То же самое относится к объекту и цели Договора, которые изложены в преамбуле и на которые указывает также название Договора (Договор о дружбе, экономических отношениях и консульских правах). Поэтому Суд приходит к выводу, что организация, осуществляющая исключительно суверенную деятельность, связанную с суверенными функциями государства, не может считаться «компанией» по смыслу Договора и, следовательно, не может требовать предоставления ей прав и защиты, предусмотренных статьями III, IV и V.

Вместе с тем Суд отмечает, что ничто не препятствует а priori одной и той же организации заниматься одновременно деятельностью коммерческого характера (или, в более широком смысле, предпринимательской деятельностью) и суверенной деятельностью. В таком случае, поскольку именно от характера фактически осуществляемой деятельности зависит отнесение занимающейся ею организации к той или иной категории, соответствующее юридическое лицо следует рассматривать в качестве «компаний» по смыслу Договора постольку, поскольку оно занимается деятельностью коммерческого характера, даже если такая деятельность не является для нее основной.

Суд отмечает, что в этой связи ему надлежит рассмотреть вопрос о характере деятельности, осуществляемой банком «Маркази». Точнее говоря, он должен изучить деятельность банка «Маркази» на территории Соединенных Штатов на момент введения мер, которые, по утверждению Ирана, нарушили предполагаемые права банка «Маркази» по статьям III, IV и V Договора.

Изучив соответствующие доводы сторон, Суд считает, что он не располагает всеми фактами, необходимыми для того, чтобы установить, осуществлял ли банк «Маркази» в соответствующее время деятельность, характер которой позволял бы считать его «компанией» по смыслу Договора о дружбе и которая могла бы быть затронута мерами, на которые жалуется Иран, ссылаясь на статьи III, IV и V Договора. Поскольку эти элементы носят в основном фактологический характер и к тому же тесно связаны с существом дела, Суд считает, что он сможет вынести решение по третьему возражению только после того, как стороны представят свои доводы на следующем этапе разбирательства, если Суд сочтет заявление приемлемым. Исходя из этого Суд заключает, что третье возражение против юрисдикции, с учетом обстоятельств данного дела, не носит исключительно предварительного характера.

*

Учитывая наличие у Суда юрисдикции рассматривать часть заявленных Ираном требований, из которых к тому же не все были затронуты в трех возражениях против юрисдикции, выдвинутых Соединенными Штатами, Суд затем рассматривает выдвинутые ответчиком возражения против приемлемости, в которых он просит отклонить заявление в полном объеме.

III. Приемлемость заявления (пп. 100–125)

Суд обращает внимание на то, что Соединенные Штаты изначально выдвинули два возражения в отношении приемлемости заявления, указав, во-первых, что попытка Ирана обосновать юрисдикцию Суда Договором представляет

собой злоупотребление правом и, во-вторых, что недобросовестное поведение («нечистые руки») Ирана не позволяет Суду принять к рассмотрению это дело. Однако Суд замечает, что в ходе устного разбирательства Соединенные Штаты уточнили, что их первое возражение в отношении приемлемости основывается на «злоупотреблении процессом», а не «злоупотреблении правом».

Суд напоминает, что в деле *Иммунитеты и уголовно-процессуальные действия (Экваториальная Гвинея против Франции)* он счел, что «хотя базовое понятие злоупотребления может быть одинаковым, последствия злоупотребления правом и злоупотребления процессом могут быть разными» (*предварительные возражения, решение от 6 июня 2018 года*, para. 146). Он заявил далее, что «злоупотребление процессом относится к процедуре суда или трибунала и может быть рассмотрено на предварительном этапе этого разбирательства» (*ibid.*, para. 150) и что «злоупотребление правом не может приводиться в качестве основания для неприемлемости, если само установление соответствующего права относится к вопросам для рассмотрения по существу» (*ibid.*, para. 151).

Суд отмечает, что в ходе устного разбирательства Соединенные Штаты заявили, что данный спор не относится к сфере применения Договора о дружбе и что поэтому Иран не может ссылаться на этот документ в обоснование юрисдикции Суда. По мнению Суда, возражение, основывающееся на злоупотреблении процессом, не является новым возражением: речь идет лишь о переквалификации позиции, уже изложенной Соединенными Штатами в их предварительных возражениях.

A. Возражение, основанное на злоупотреблении процессом (пп. 107–115)

Представив доводы сторон в связи с первым возражением, Суд напоминает, что в деле *Иммунитеты и уголовно-процессуальные действия (Экваториальная Гвинея против Франции)* он указал, что только в исключительных обстоятельствах Суд может отклонить иск, имеющий действительное правооснование для юрисдикции, по причине злоупотребления процессом. Для этого должны иметься явные свидетельства того, что поведение заявителя равнозначно злоупотреблению процессом (*предварительные возражения, решение от 6 июня 2018 года*, para. 150) (см. также *Некоторые фосфатоносные участки на Науру (Науру против Австралии), предварительные возражения, решение, I.C.J. Reports 1992*, p. 255, para. 38). Суд напоминает, что, как он уже заметил, на момент подачи Ираном своего заявления, т. е. 14 июня 2016 года, Договор о дружбе между сторонами находился в силе и что в статье XXI Договора содержится арбитражная оговорка, предусматривающая его юрисдикцию. Суд не считает, что в данном деле имеются такие исключительные обстоятельства, которые могли бы служить основанием для отклонения заявления Ирана в связи с злоупотреблением процессом. Поэтому Суд приходит к выводу, что первое возражение против приемлемости, выдвинутое Соединенными Штатами, должно быть отклонено.

B. Возражение, основанное на недобросовестности истца (пп. 116–124)

По поводу второго возражения Суд отмечает, что Соединенные Штаты не утверждают, что Иран своими предполагаемыми действиями нарушил Договор о дружбе, на котором основывается его заявление. Не будучи обязан занимать какую-либо позицию по доктрине «чистых рук», Суд считает, что, даже если было бы доказано, что поведение заявителя не было безупречным, само по себе это не явилось бы достаточным основанием для принятия возражения ответчика против приемлемости, выдвинутого на основании доктрины «чистых рук» (*Авена и другие мексиканские граждане (Мексика против Соединенных Штатов Америки), решение, I.C.J. Reports 2004 (I)*, p. 38, para. 47; *Делимитация морских*

пространств в Индийском океане (Сомали против Кении), предварительные возражения, решение, I.C.J. Reports 2017, p. 52, para. 142). Суд отмечает, что такой вывод, однако, не предопределяет вопроса о том, могут ли утверждения Соединенных Штатов, касающиеся, в частности, предполагаемого спонсирования и поддержки Ираном международного терроризма и его предполагаемых действий в сфере ядерного нераспространения и оборота оружия, впоследствии лечь в основу возражений по существу дела. Поэтому Суд приходит к выводу, что второе возражение против приемлемости, выдвинутое Соединенными Штатами, не может быть поддержано.

Постановляющая часть (п. 126)

Суд

1) единогласно

отклоняет первое предварительное возражение против юрисдикции, выдвинутое Соединенными Штатами Америки;

2) одиннадцатью голосами против четырех

поддерживает второе предварительное возражение против юрисдикции, выдвинутое Соединенными Штатами Америки;

ГОЛОСОВАЛИ ЗА: Председатель Юсуф; Вице-Председатель Сюэ; судьи Томка, Абраам, Беннуна, Кансаду Триндади, Гая, Кроуфорд, Салам, Ивасава; судья ad hoc Брауэр;

ГОЛОСОВАЛИ ПРОТИВ: судьи Бхандари, Робинсон, Геворгян; судья ad hoc Момтаз;

3) одиннадцатью голосами против четырех

заявляет, что третье предварительное возражение, выдвинутое Соединенными Штатами Америки, в обстоятельствах данного дела не имеет сугубо предварительного характера;

ГОЛОСОВАЛИ ЗА: Председатель Юсуф; Вице-Председатель Сюэ; судьи Абраам, Беннуна, Кансаду Триндади, Бхандари, Робинсон, Геворгян, Салам, Ивасава; судья ad hoc Момтаз;

ГОЛОСОВАЛИ ПРОТИВ: судьи Томка, Гая, Кроуфорд; судья ad hoc Брауэр;

4) единогласно

отклоняет предварительные возражения против приемлемости, выдвинутые Соединенными Штатами Америки;

5) единогласно

заключает, что он обладает юрисдикцией с учетом пунктов 2) и 3) настоящей постановляющей части выносить решение по заявлению, поданному Исламской Республикой Иран 14 июня 2016 года, и что указанное заявление является приемлемым к производству.

*

Судьи Томка и Кроуфорд прилагают к решению Суда совместное отдельное мнение; судья Гая прилагает к решению Суда заявление; судьи Робинсон и Геворгян прилагают к решению Суда отдельные мнения; судьи ad hoc Брауэр и Момтаз прилагают к решению Суда отдельные мнения.

*

* *

Совместное отдельное мнение судей Томки и Кроуфорда

Судьи Томка и Кроуфорд не согласны с решением Суда присоединить третье предварительное возражение Соединенных Штатов к существу дела. По их мнению, вопрос о том, является ли банк «Маркази» «компанией» для целей Договора о дружбе, носит сугубо предварительный характер и должен был быть решен на данном этапе.

Положение, предшествовавшее статье 79 Регламента Суда, наделяло Суд большей свободой откладывать рассмотрение возражений до этапа рассмотрения дела по существу. С тех пор как в 1972 году в Регламент Суда были внесены поправки, вынесение решения по возражению может быть отложено до рассмотрения дела по существу, только если такое возражение не носит сугубо предварительный характер.

Судьи Томка и Кроуфорд считают, что по вопросу о том, является ли банк «Маркази» «компанией» для целей Договора о дружбе, были представлены все доводы, и все факты, имеющие отношение к делу, известны. В частности, Суду нет необходимости выяснять, какие виды деятельности осуществлял банк «Маркази» в то время, когда на его активы был наложен арест в рамках исполнения решений федеральных судов Соединенных Штатов против правительства Ирана. Следовательно, третье предварительное возражение носит сугубо предварительный характер, и решение по нему должно было быть вынесено на данном этапе разбирательства.

Заявление судьи Гаи

Суду следовало отклонить третье предварительное возражение в отношении юрисдикции. Вопрос, на который необходимо ответить в этой связи, заключается в том, были ли представлены доказательства того, что банк «Маркази» как компания, учрежденная по законам Ирана, пользуется правами, закрепленными в статьях III, IV и V Договора о дружбе, в частности правом на признание своего юридического статуса, и что эти права могли быть нарушены. Некоторые из видов деятельности центральных банков не отличаются от тех, которые осуществляют коммерческие банки, и при их осуществлении банку «Маркази» должна быть предоставлена такая же защита по Договору о дружбе. В пункте 4 статьи XI подтверждается, что действие Договора распространяется на государственные корпорации, ведомства и органы в целом, а не только в связи с осуществлением ими коммерческой деятельности.

Отдельное мнение судьи Робинсона

1. В своем отдельном мнении судья Робинсон объясняет свое несогласие с содержащимся в подпункте 2) пункта 126 постановляющей части выводом, в котором поддерживается второе предварительное возражение Соединенных Штатов Америки против юрисдикции. По его мнению, вопрос о нарушении обязательства предоставлять суверенный иммунитет от юрисдикции и/или принудительного исполнения государственным субъектам, осуществляющим действия *jure imperii*, возникает в связи с пунктом 4 статьи XI Договора о дружбе.

2. Судья Робинсон выражает мнение, что, препятствуя только государственным предприятиям, занимающимся коммерческой деятельностью, в пользовании иммунитетами от судебных исков и иных форм ответственности, которые могут применяться в отношении частных компаний, пункт 4 статьи XI не предусматривает прямо в своем тексте и не подразумевает, что государственные предприятия, совершающие акты *jure imperii*, также будут лишены иммунитета, которым они в противном случае были бы наделены по международному

обычному праву. Напротив, это дает убедительные основания для вывода о том, что государственные предприятия, совершающие акты *jure imperii*, пользуются суверенным иммунитетом по Договору.

3. Судья Робинсон считает, что вопрос заключается в том, следует ли из толкования Договора в соответствии с пунктом 1 статьи 31 Венской конвенции о праве международных договоров, что утверждение о нарушении иммунитета государственных предприятий, осуществляющих акты *jure imperii*, относится к сфере применения положений Договора. По сути вопрос заключается в том, существует ли «разумная связь» между Договором и заявлением о суверенном иммунитете.

4. По мнению судьи Робинсона, существует внутренняя и органичная связанность между актами *jure imperii* и *jure gestionis* (хозяйственная деятельность государства), которая пронизывает весь Договор, предусматривается и принимается им и в силу этого регулируется им во всех ее аспектах, включая обращение к обычным нормам иммунитета. Именно эта взаимосвязанность привносит в договорный режим Договора обычные нормы об иммунитете для государственных субъектов, осуществляющих акты *jure imperii*, и диктует обращение к логической аргументации.

5. По мнению судьи Робинсона, такой вывод полностью согласуется с объектом и целью Договора максимально активизировать торговые, инвестиционные и экономические отношения между народами двух стран. Иммунитет государственных компаний, осуществляющих суверенные, властные действия, так же важен и необходим для достижения этого объекта и цели, как и отказ в иммунитете государственным компаниям, занимающимся коммерческой деятельностью. Государственное учреждение, такое как центральный банк одной из сторон, должно будет осуществлять на территории другой стороны некоторые виды деятельности суверенного и правительственного характера в рамках законного выполнения своих функций. Для достижения вышеупомянутого объекта и цели Договора эти виды деятельности так же важны, как и те виды деятельности, которыми занимаются частные компании.

6. Он приходит к выводу, что третье предварительное возражение должно быть отклонено, поскольку при беспристрастном прочтении Договора можно сказать, что вопрос о суверенных иммунитетах и их предполагаемом нарушении относится к сфере его применения и эти иммунитеты при беспристрастном прочтении Договора могут считаться частью объекта и цели Договора. По его мнению, между вопросом о суверенных иммунитетах для государственных субъектов и Договором существует разумная взаимосвязь, поскольку эти два аспекта в достаточной мере связаны через объект и цель Договора, чтобы наделить Суд юрисдикцией. Утверждение о непредоставлении банку «Маркази» суверенного иммунитета от юрисдикции или принудительного исполнения подпадает под действие пункта 4 статьи XI. Следовательно, по его мнению, Суду следовало бы сделать вывод, что между сторонами существует спор относительно толкования или применения Договора, и это служит основанием для юрисдикции Суда согласно пункту 2 статьи XXI.

Отдельное мнение судьи Геворгяна

В своем отдельном мнении судья Геворгян объясняет причины своего несогласия с выводом Суда о том, что он не обладает юрисдикцией рассматривать заявления Ирана об иммунитетах банка «Маркази» на основании предположения о том, что в Договоре 1955 года о дружбе, экономических отношениях и консульских правах между Ираном и США отсутствует норма международного обычного права об иммунитетах активов центральных банков. По мнению

судьи, законодательные и исполнительные меры, принятые Соединенными Штатами против Ирана и приведшие к аресту активов банка «Маркази» (центрального банка Ирана), подпадают под действие по меньшей мере двух положений Договора 1955 года.

Во-первых, введенные Соединенными Штатами ограничения иммунитетов банка «Маркази» могли нарушить право этой организации на доступ к судам, охраняемое пунктом 2 статьи III Договора 1955 года. Во-вторых, учитывая важнейшую роль центрального банка Ирана в осуществлении иранскими компаниями коммерческой деятельности в Соединенных Штатах, наложение ареста на активы банка «Маркази» могло сделать иллюзорной свободу торговли Ирана с Соединенными Штатами, охраняемую пунктом 1 статьи X Договора 1955 года.

Отдельное мнение судьи ad hoc Брауэра

Судья ad hoc Брауэр считает, что приведенные ответчиком в его доводах касательно доктрины «чистых рук» ссылки на труды бывшего Председателя Суда судьи Швелеба и профессора Джона Дугарда являются неполными. Внимательное прочтение этих трудов показывает, что их авторы не были убеждены в том, что доктрина «чистых рук» применима к урегулированию межгосударственных споров. Кроме того, ответчик сослался на индивидуальное мнение судьи Хадсона по делу *Отвод воды из реки Маас*, в котором рассматривались принципы справедливости по международному праву. Вместе с тем, как признал сам ответчик, одно из условий для применения таких принципов, которые, как было сказано, сродни доктрине «чистых рук», выполнено не было.

По мнению судьи ad hoc Брауэра, еще одна причина, по которой статья XX Договора о дружбе не представляет собой ограничение юрисдикции, заключается в том, что она не исключает из юрисдикции Суда дела, которые стороны считают относящимися к их внутренней компетенции. Такие оговорки о внутренней компетенции включены в ряд коммерческих договоров, и если бы стороны пожелали, чтобы статья XX это допускала, они бы прямо предусмотрели это в тексте.

Судья ad hoc Брауэр полагает, что, поскольку Договор о дружбе прямо предусматривает иммунитет в сфере консульских и дипломатических сношений, нельзя утверждать, что он косвенным образом предусматривает иммунитет государств и государственных образований. Такой вывод основывается на применении принципа толкования *expressio unius est exclusio alterius* (прямое упоминание исключает другие значения). Кроме того, судья ad hoc Брауэр считает, что усматривать в Договоре о дружбе наличие норм о государственном иммунитете, обосновывая это пунктом 3 с) статьи 31 Венской конвенции о праве международных договоров, было бы равнозначно переписыванию самого Договора. Судья ad hoc Брауэр обращает также внимание на то, что подтверждением чисто коммерческого характера Договора о дружбе служат неоднократно употребляемые в нем соответствующие формулировки. Судья ad hoc Брауэр считает также, что источники, на которые опирается заявитель в обоснование своего толкования от противного пункта 4 статьи XI Договора о дружбе, бесполезны, поскольку они, наоборот, показывают, что толкование *a contrario* не может заменить его обычный смысл.

Судья ad hoc Брауэр не согласен с позицией Суда по третьему возражению против юрисдикции. Он считает, что возражение носит сугубо предварительный характер и поэтому по нему следовало вынести решение. По словам судьи, Иран не представил никаких доказательств того, что банк «Маркази» действительно занимается коммерческой деятельностью, что является необходимым условием для того, чтобы он являлся «компанией» по смыслу Договора о дружбе. Закон

Ирана о деньгах и банках 1972 года (исправленный) подтверждает, что банк «Маркази» не уполномочен вести какую-либо иную деятельность, помимо деятельности суверенного характера. Кроме того, Иран последовательно утверждал в судах Соединенных Штатов, что в то время, о котором идет речь, банк «Маркази» осуществлял именно суверенную деятельность. Судья ad hoc Брауэр считает, что заявитель не может «одновременно утверждать взаимоисключающие вещи». Он заключает, что Суд имел в своем распоряжении все соответствующие факты, и отмечает, что он не может понять, каким образом, основываясь на материалах, представленных Суду сторонами на данном этапе разбирательства, Суд мог бы прийти к иному выводу, чем вывод о том, что банк «Маркази» не является «компанией» по смыслу Договора о дружбе.

Отдельное мнение судьи ad hoc Момтаза

Введение

Стороны разошлись во мнениях относительно смысла и сферы применения пункта 4 статьи XI Договора о дружбе как в своих состязательных бумагах, так и в своих устных доводах. Нет сомнений в том, что этот спор, который не мог быть приемлемым образом урегулирован дипломатическими средствами, относится к юрисдикции Суда на основании арбитражной оговорки в пункте 2 статьи XXI Договора. Поэтому Суду следовало отклонить второе предварительное возражение Соединенных Штатов против юрисдикции и урегулировать указанный спор на стадии рассмотрения по существу, дав толкование пункта 4 статьи XI в свете норм международного права.

I. Толкование в свете объекта и цели договора

Согласно преамбуле Договора стороны пожелали «содействовать взаимовыгодной торговле и инвестициям и более тесным экономическим взаимосвязям в целом между своими народами». Из этого Суд сделал вывод, что регулирование мирных и дружественных отношений между двумя государствами не было объектом и целью Договора о дружбе. Таким образом, статья I Договора, в которой говорится о прочном и постоянном мире и искренней дружбе между сторонами и которая, по мнению Суда, придает смысл всему Договору, должна, в случае сомнений, «склонять Суд к такому толкованию, которое представляется более созвучным его общей цели установления дружественных отношений во всех областях деятельности, охватываемых Договором (*Нефтяные платформы (Исламская Республика Иран против Соединенных Штатов Америки), предварительное возражение, решение, I.C.J. Reports 1996 (II)*, p. 820, para. 52). Поскольку нарушение суверенного иммунитета центрального банка Ирана в отношении его деятельности в суверенном качестве (*jure imperii*) может препятствовать свободе торговли между сторонами, я считаю, что пункт 4 статьи XI следует толковать в свете общей цели Договора.

II. Толкование пункта 4 статьи XI в свете подпункта c) пункта 3 статьи 31 Венской конвенции о праве международных договоров

Согласно подпункту c) пункта 3 статьи 31 Венской конвенции о праве международных договоров, толкование должно также учитывать «любые соответствующие нормы международного права, применяемые в отношениях между участниками». В деле *Нефтяные платформы* Суд без колебаний опирался на нормы о применении силы при толковании подпункта d) пункта 1 статьи XX Договора и рассмотрел законность мер, применяемых Соединенными Штатами для защиты своих существенных интересов безопасности (*Нефтяные платформы (Исламская Республика Иран против Соединенных Штатов Америки), решение, I.C.J. Reports 2003*, p. 182, para. 41). Нет никаких причин для Суда не

обращаться к нормам об иммунитете при толковании пункта 4 статьи XI Договора в контексте спора между сторонами в настоящем деле.

III. Толкование пункта 4 статьи XI *a contrario*

По мнению Суда, такое толкование оправдано «только тогда, когда оно надлежащим образом согласуется со всеми другими соответствующими положениями, их контекстом, а также объектом и целью договора» (*Вопрос о делимитации континентального шельфа между Никарагуа и Колумбией за пределами 200 морских миль от никарагуанского побережья (Никарагуа против Колумбии), предварительные возражения, решение, I.C.J. Reports 2016 (I)*, р. 116, para. 35). В этом деле толкование *a contrario* пункта 4 статьи XI могло бы привести Суд к заключению, что сфера применения Договора, и в частности сфера охвата понятия «компания», не исключает субъектов, осуществляющих деятельность *jure imperii*. Кроме того, такое толкование соответствовало бы пункту 1 статьи III Договора, в котором дается широкое и гибкое определение этого понятия. В недавнем прошлом Суд отмечал, что общие понятия в договорах могут иметь «значение или содержание, способное эволюционировать, не закрепленное раз и навсегда, с тем чтобы была возможность учитывать, среди прочего, развитие норм международного права» (*Спор относительно судоходных и смежных прав (Коста-Рика против Никарагуа), решение, I.C.J. Reports 2009*, р. 242, para. 64).

Заключение

Следует отметить, что основание для принудительных мер, принятых в отношении центрального банка, а именно поправка 1996 года к Закону об иностранных суверенных иммунитетах (ЗИСИ), лишаящая государство иммунитета по причине тяжести совершенного деяния, противоречит международному праву. Как указывал Суд, «по международному обычному праву на его нынешнем этапе развития государство не лишается иммунитета на основании того факта, что против него выдвинуты обвинения в серьезных нарушениях международного права прав человека или норм международного права вооруженных конфликтов» (*Юрисдикционные иммунитеты государства (Германия против Италии, со вступлением в дело Греции), решение, I.C.J. Reports 2012 (I)*, р. 139, para. 91).
